

Да здравствует
демократическая республика!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ 35 К. И НА СТ. 40 К.
РОЗН. ПРОДАЖЪ

306
1917 №2
НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 21

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917

ИЮНЬ

ЕГО ПРОГРАММА.

Рис Ре-ми.



ПОДЪ ШУМОКЪ РЕВОЛЮЦІИ.

Большевикъ: — Вотъ все говорили: „грядущій“ да „грядущій“!.. А вотъ я уже и „пришедшій“!..

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 Г.,

выпускаемый на основаніи постановленія Временнаго Правительства

отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на бесплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ министромъ финансовъ.

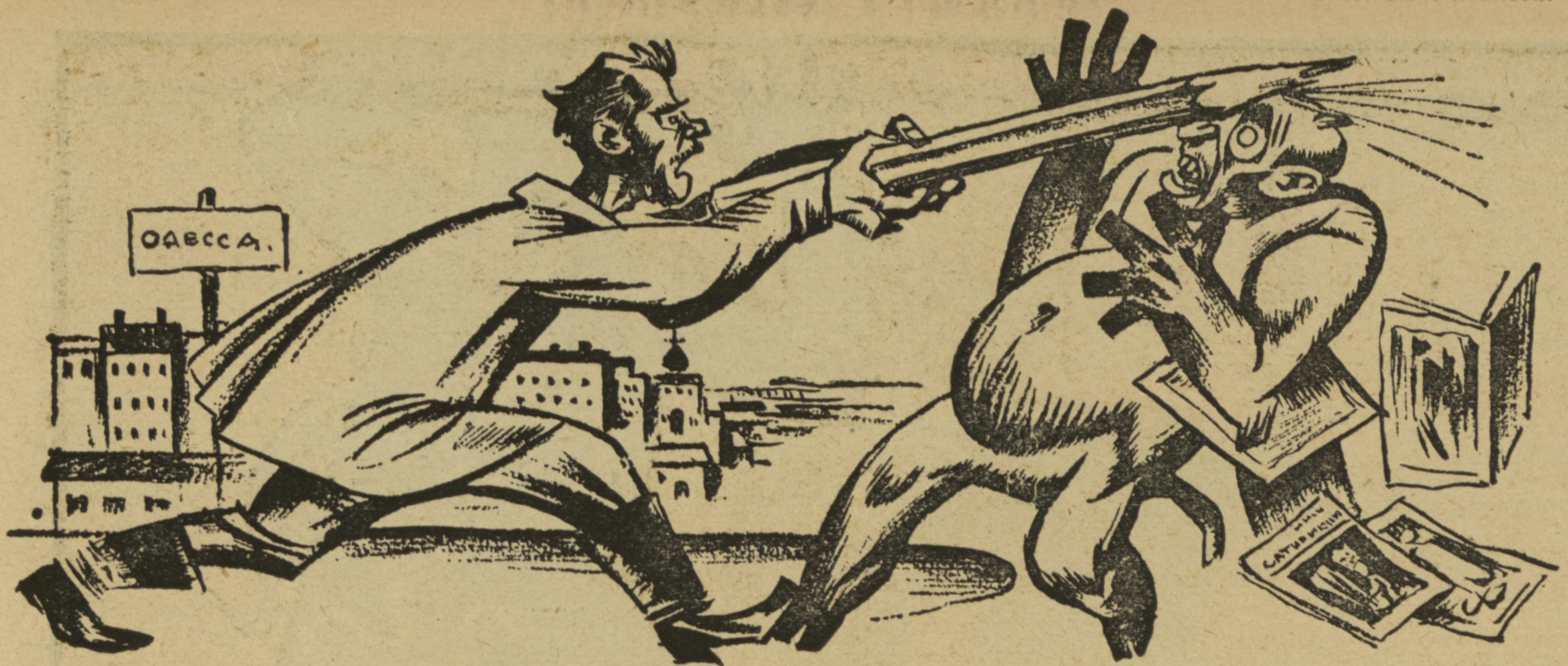
Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

- въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
- въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
- въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
- въ Городскихъ общественныхъ банкахъ,
- въ Обществахъ взаимнаго кредита,
- въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
- въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ.
- въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по $5\frac{3}{4}\%$ годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по специальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ 75% номинальной суммы.



ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Газеты принесли извѣстія о вторичной конфискаціи «Нов. Сатирикона» одесскимъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ. Тѣ же газеты паралельно оповѣщаютъ о карахъ, налагаемыхъ на другіе органы печати въ провинціи.

Мы не знаемъ, въ какую компанію конфискуемыхъ мы попали: быть можетъ, это изданія, съ которыми дѣйствительно нужно бороться, а можетъ быть, ихъ постигла одинаковая участь съ нами: взять челоуѣкъ въ руки «Нов. Сатириконъ», посмотрѣть на рисунокъ, обидѣлся, что въ дѣтствѣ его не выучили грамотѣ и рѣшилъ, чтобы не было другимъ зазорно: конфисковать. Мы не въ обидѣ; правительство Нико-

лая II приучило насъ относиться къ конфискаціямъ и штрафамъ, накладываемымъ на нашъ журналъ, какъ къ подбодряющему импульсу для работы — было бы нелѣпо, если бы честную сатирическую мысль не гнала та власть, которая боится за свое существованіе.

Но за одесскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ намъ обидно искренно. Заниматься увеличеніемъ количества одесскихъ анекдотовъ, конфискаціями сатирическаго журнала, во все время своего существованія боровагося противъ того же, противъ чего шла вся демократія — право это не такое почтенное занятіе въ наше отвѣтственное время.

Ч О Р Т Ъ.

Изъ фабричныхъ старыхъ трубъ
Вылѣзъ красный чортъ...
Въ сизомъ дымѣ, буйно-грубъ,
И безмѣрно гордъ.

Пыхнулъ дымомъ и исчезъ
И явился вдругъ...
Перепрыгнулъ черезъ лѣсъ
На цвѣтистый лугъ!

Глянулъ косо, грозно, зло,
Бросилъ смѣха комъ...
Вѣтромъ ахнулъ на село,
Къ старой вѣдьмѣ въ домъ.

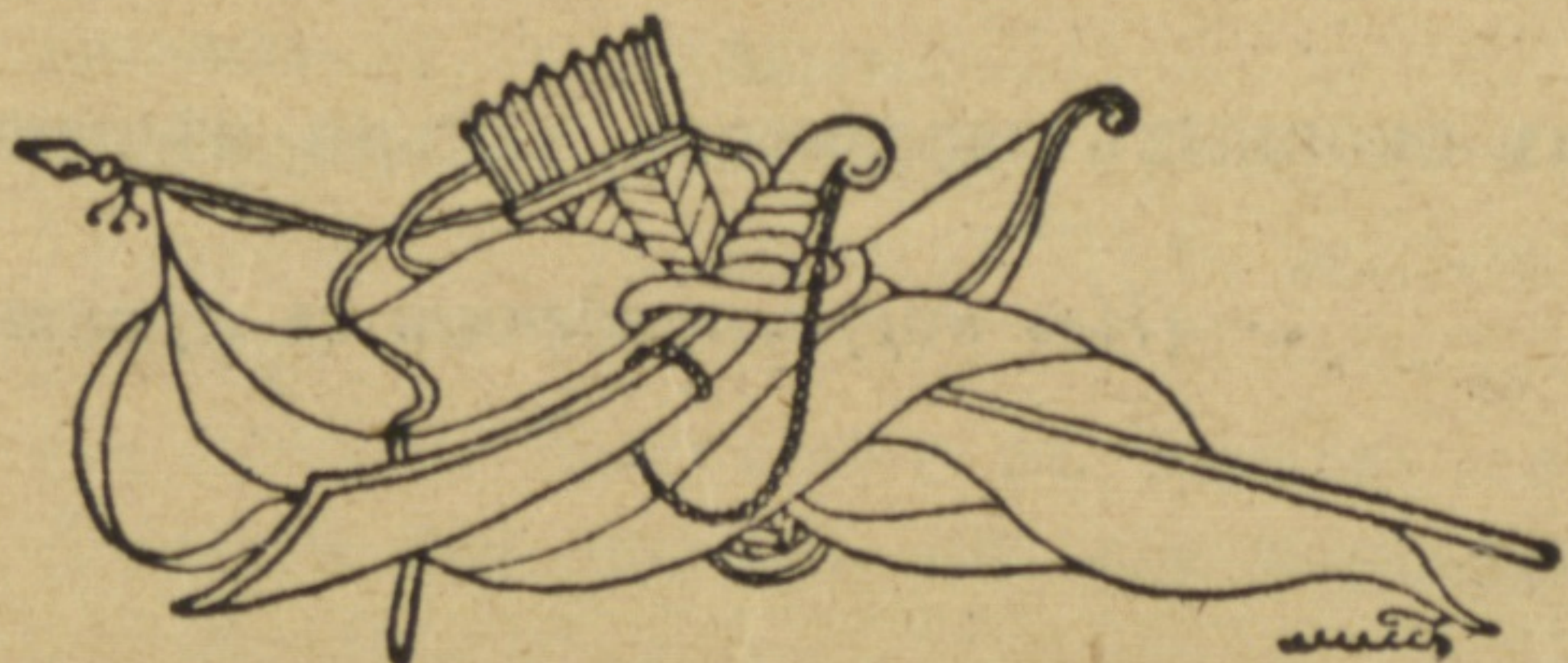
Гулъ и звонъ... Гремить набатъ...
Чортъ пируетъ всласть!...
Выдыхаетъ дымъ и смрадъ
Огненная пасть.

Стукнулъ по-лбу чорта попь,
Старосту въ животъ...
— Эй, ты, буйная толпа,
Выходи на сходъ!

Всѣхъ и вся перемутить,
Вспыхнулъ и пропалъ...
Впрыгнулъ въ зарево стропиль,
Въ дымъ фабричныхъ скалъ.

Быль, какъ не быль. Изъ трубы
Черный дымъ — какъ дымъ...
— Вы, владѣльцы и рабы,
Не встрѣчались съ нимъ?

П. Орѣшинъ.



КУСТАРНОЕ.

Глава изъ „Ховаго курса государственнаго права“.

... Кромѣ всѣхъ выше перечисленныхъ теорій возникновенія государства, намъ остается разсмотрѣть еще одну, получившую въ наукѣ названіе: «Кронштадтской». Научное обоснованіе этой теоріи было выдвинуто въ началѣ двадцатаго столѣтія знаменитымъ ученымъ, докторомъ Рошалемъ, небезызвѣстнымъ мореплавателемъ и юристомъ

Въ отличіе отъ теоріи общественнаго договора и теоріи завоеванія, кронштадтская теорія предусматриваетъ мирное и быстрое зарожденіе новаго государства. Любой городъ, для превращенія въ крупную независимую державу, долженъ прежде всего закрыть всѣ буржуазныя газеты, а затѣмъ созвать митингъ. Въ деталяхъ возникновеніе новаго государства происходитъ такъ.

Въ редакцію буржуазной газеты приходитъ группа жизнерадостныхъ молодыхъ людей, съ веселыми, открытыми, дышащими энергіей и здоровьемъ, лицами.

— Редакторъ здѣсь?

Испуганный болѣзненный челоуѣкъ, робкій и пришибленный, называющійся «сытымъ редакторомъ гнусной буржуазной прессы», наскоро составилъ завѣщаніе и произнесъ быструю молитву согласно каноническимъ правиламъ своего вѣроученія, выходитъ къ посѣтителемъ.

— Вы редакторъ?

— Простите!.. Не виновать!.. Тяжелыя условія заработной платы... У насъ это въ роду... наслѣдственно... И папенька былъ редакторомъ... и дѣдъ былъ редакторомъ... и прадѣдъ... и даже отдаленный предокъ редактировалъ вечернюю газету при Андрѣ Боголюбскомъ... Не губите!..

— Газета ваша закрывается. Поняли? Закрывается, и никакихъ гвоздей. А машины и бумагу потрудитесь предъявить, чтобы, такъ сказать, намъ за нихъ подержаться. Поняли, господинъ-сквородинокъ?

Лицо, именуемое «господиномъ-сквородиномъ», покорно выдаетъ ключи и, собравъ весь составъ редакціи — одного фельетониста и одного хроникера удаляется изъ города, провожаемый криками и насмѣшками. Они идутъ съ обнаженными головами, почти босые. Мѣстные гимназисты принимаютъ ихъ за агентовъ Далай-Ламы.

Когда буржуазная печать ликвидирована, всѣ остальные дѣйствія, ведущія къ созданію новаго государства, почти не



...„За последнее время замечается появление въ окопахъ массы особыхъ окопныхъ паразитовъ, сильно мѣшающихъ работѣ арміи и ея успѣхамъ“...

(Изъ корреспонденціи съ фронта.)



— И не говорите, отецъ Евменій, какъ тяжело. Какъ только не прочтешь утренней газеты, такъ и станешь втупикъ — кого „благовѣрнымъ“ возглашать: Временное Правительство, Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, или мѣстный продовольственный комитетъ...

представляютъ затрудненій. На главной городской площади устраивается многолюдный митингъ. Произносятся рѣчи; говорятъ представители различныхъ партій — не только политическихъ, но и культурныхъ и религіозныхъ; выступаетъ и пожилая дама въ пенонѣ, называющая себя «генераль-майоромъ арміи спасенія», и дурно выбритый брюнетъ, восхваляющій удивительныя и при томъ чисто революціонныя качества своей «ваксы Робеспьеръ». Когда всѣ ораторы успѣваютъ высказаться, предсѣдатель ставитъ на баллотировку вопросъ: «образовать ли отдѣльное независимое государство», или «отдѣлиться для образованія государства». Естественно, что одно изъ предложеній получаетъ большинство голосовъ, и будучи принято, ведетъ къ созданію новаго государства.

Такимъ образомъ, какъ мы указали выше, въ отличіе отъ другихъ сложныхъ методовъ государственнаго зарожденія, кронштадтская система представляется куда болѣе современной и портативной. Послѣ того, какъ собраніе рѣшаетъ вопросъ о новомъ государственномъ бытіи, наступаетъ второй періодъ — періодъ административнаго устроенія.

Чтобы пресѣчь въ корнѣ всякую возможность контръ-революціонныхъ попытокъ, все буржуазное населеніе изгоняется.

— Буржуй? Потрудитесь взять проходное свидѣтельство и слѣдовать въ мѣста не столь отдаленныя.

— Позвольте, товарищъ...

— Я буржую не товарищъ.

— Гражданинъ, пощадите! Вѣдь высылка отмѣнена въ Россіи навсегда...

— Ну вотъ и поѣзжайте въ Россію. У насъ тутъ не Россія! Пѣвать мы хотимъ на эту варварскую, азіатскую страну...

Послѣ изгнанія буржуазіи передъ основателями новаго

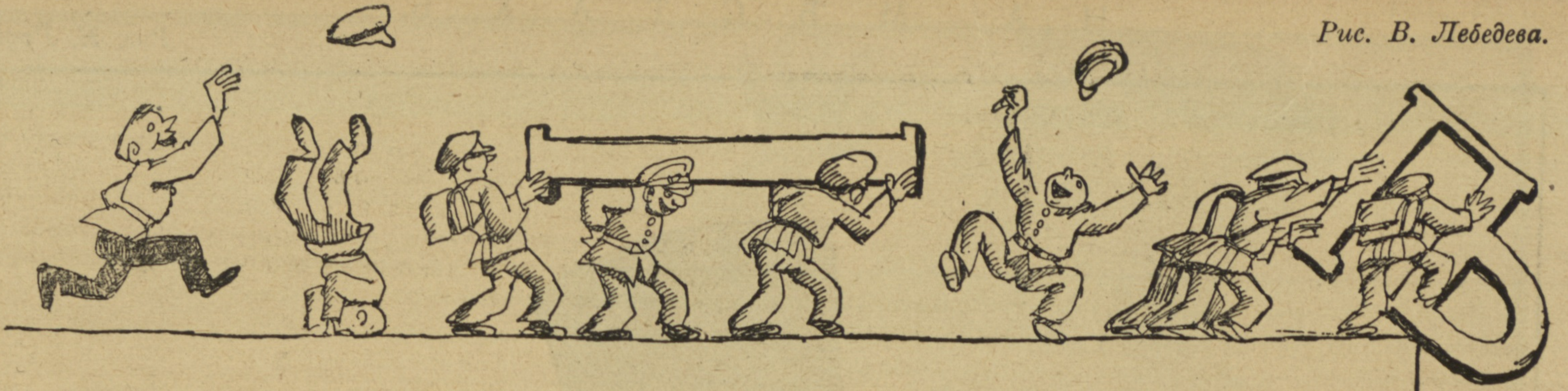
государства, несомнѣнно, возникаетъ вопросъ о раздѣленіи населенія на классы и партіи. Но, такъ какъ все населеніе принадлежитъ къ одному и тому же классу и исповѣдуетъ одни и тѣ же политическія воззрѣнія, то классовое и партійное дѣленіе производится искусственно. Образуется партія брюнетовъ, засѣдающихъ на лѣвомъ флангѣ; блондины занимаютъ «правую», а шатены сидятъ въ центрѣ. Лысые и сѣдые называются безпартійными.

Финансы, судъ, полиція, народное просвѣщеніе, торговля, промышленность и прочія важныя отрасли государственной жизни быстро приводятся въ порядокъ, согласно всей многовѣковой исторіи новыхъ государствъ, политика внутренняя приносится въ жертву политикѣ внѣшней. Новое государство начинаетъ готовиться къ войнѣ.

Партія брюнетовъ и нѣкоторая часть лысыхъ муссируютъ пограничный конфликтъ съ остальной Россіей; дипломатія какъ всегда безсильна предотвратить столкновение; и въ одинъ прекрасный день новое государство посылаетъ торжественную грамоту съ объявленіемъ войны Россіи.

Русскія войска, занятая друпами дѣлами, не оказываютъ должнаго сопротивленія, и новое государство выходитъ побѣдителемъ изъ краткой и совершенно некровопролитной войны. По окончаніи войны, какъ и слѣдовало ожидать, открывается мирный конгрессъ.

Конгрессъ протекаетъ въ страстной обстановкѣ споровъ и взаимной неуступчивости. Представители Россіи, унаслѣдовавшіе дипломатическія традиціи стараго режима, трусливо идутъ на всевозможныя уступки, и новое государство аннексируетъ у Россіи цѣлую губернію. Вопросъ о контрибуціи остается не рѣшеннымъ, такъ какъ часть делегатовъ новаго государства не точно поняла значеніе слова «контрибуція», и, повидимому, смѣшало его съ фонетически схожей «контръ-революціей». Во всякомъ случаѣ пріобрѣтая цѣлую губернію, новое государство объявило своимъ подданнымъ,



что миръ заключенъ «безъ всякихъ аннексій и безъ всякихъ контръ-революцій».

Выгодный миръ, естественно, поднимаетъ благосостояніе гражданъ, и новое государство пышно расцвѣтаетъ; но объединенный блокъ шатеновъ и блондиновъ настоятельно требуетъ новой войны съ цѣлью завоеванія всей Россіи. Однако, когда приходитъ извѣстіе, что русское правительство ничего не имѣетъ противъ этого; партія брюнетовъ въ блокъ съ лысыми и сѣдыми отклоняетъ предложеніе о войнѣ.

Государство крѣпнетъ, растетъ и богатѣетъ. Когда оно достигаетъ своего расцвѣта, въ любомъ подвластномъ ему городѣ нѣсколько человекъ приходятъ къ редактору буржуазныхъ газетъ:

— Вы редакторъ?

И т. д., и т. д., см. начало главы.

Такимъ образомъ, среди способовъ возникновенія новыхъ государствъ, кронштадтская система должна быть отмѣчена, какъ наиболее цѣлесообразная и быстрая. Старые курсы государственнаго права — Еллинека, Эсмана, Дюги, Коркунова и др. — обходили эту систему полнѣйшимъ молчаніемъ. Впрочемъ, помимо устарѣлости всѣхъ этихъ учебниковъ, всѣ они явно буржуазнаго направленія и подлежатъ немедленному закрытію и передачѣ въ общенародную собственность.

Приведенная выше глава изъ «Новаго курса государственнаго права» съ начала будущаго учебнаго года включается въ обязательную программу всѣхъ юридическихъ факультетовъ, народныхъ школъ, вегетарианскихъ столовыхъ и зубо-врачебныхъ училищъ.

Бор. Мирскій.

ПО СУЩЕСТВУ.

— Джекъ! Изъ Россіи есть заказъ на партію грузовыхъ автомобилей.

— Развѣ у нихъ опять аресты министровъ начались.

НЕХОРОШЕЕ ВОСПОМИНАНІЕ.

Одинъ эмигрантъ купилъ заграничный галстукъ, посмотрѣлъ на него и смутился.

— Это что за дурацкіе намеки, — заворчалъ онъ.

— А что?

— Да такъ. Пломба виситъ...

С М Ъ Ш Н О Е.

Напудрила носика кончикъ,
У рѣсницъ положила штрихи...
Дѣтка, дай только кончить
Эти смѣшные стихи...
Ты не вѣришь, что можно
Утробно смѣяться теперь,
Когда время слишкомъ тревожно
И слишкомъ много потерь...
Увидишь къ грустной обидѣ,
Что это святая ложь —
Есть смѣхъ на панихидѣ,
Смѣхъ подъ осенній дождь...
Выйдемъ — смотри вонъ кучка.
И одинъ на фонарномъ столбѣ.
Ну, развѣ эта толкучка,
Крошка, не смѣшна тебѣ?...
Ораторъ чертитъ ногтемъ
Нашей свободы лобъ.
Потихоньку вымажу детемъ
Я этотъ фонарный столбъ.
И вотъ, какъ въ бронхахъ хрипы
Съ погремушками словъ,
Будутъ бродить въ толпѣ типы
Съ чернымъ клеймомъ дураковъ.
Скорбно къ милиціонеру
Подойдемъ, я скажу: «Мой братъ,
Меня за идейную вѣру
Тѣ люди убить хотятъ...»
Ты будешь смѣяться — живо,
Увидѣвъ сторожившаго храмъ —
Онъ убѣжитъ торопливо
Отъ меня по своимъ дѣламъ.
Сядемъ въ трамвай въ часъ вечернихъ
Свѣжихъ крикливыхъ газетъ.
На лицахъ читателей суевѣрныхъ
Безъ газетъ прочтемъ кислый бредъ...
Вотъ передовица о смутѣ
Въ Кронштадтѣ — большіе глаза
Отразятъ въ больномъ лилипутѣ
Колебаніе «противъ» и «за»...
Потомъ улыбнись, моя радость,
Старичокъ хихикнулъ вонъ,
Это онъ смакуетъ гадость,
Плунутую на старый тронъ...
Но довольно... слѣземъ
Посмотри — злой уродъ,
Склонный къ желудочнымъ рѣзнямъ,
Чиновникъ хлѣба ждетъ...
По четверти фунта хлѣба
Получить весь этотъ хвостъ.
Развѣ не смѣшно полубое небо,
И глупость въ человѣческой ростъ.
А справа по переулку
Идетъ караульный взводъ,
Барабанъ бьетъ гулко,
И рты разѣваетъ народъ.
Лица и все — боевое,
Отразилась готовность вся.
Тутъ есть что-то очень смѣшное,
Только сказать нельзя...
Почему?... Этой планидѣ
Такъ отвѣчаетъ — дрожь.
И этотъ смѣхъ на панихидѣ,
Смѣхъ подъ осенній дождь!

Сергѣй Михѣевъ.

Вышелъ № 1 органа памфлетовъ:

== „ЭШАФОТЪ“ ==

Подъ редакціей Петра Пильскаго.

„Онъ будетъ выходить въ дни именинъ Глупости и Безчестія“.

Содержаніе № 1.

Отъ редакціи. — Двуглавый Орель. Петра Пильскаго. — Гибель Чечиме. А. Куприна. — Безуміе, или предательство? — Вас. Ив. Немировича-Данченко. — Молитва Республикѣ. — Felix'a Tuat. — „Моя свобода“, 3 стихотворенія Александра Рославлева. — Въ Румыніи. Д. Айзмана. — Анархисты? Или? Аркадій Аверченко. — Стих. Валентина Горянского.

Рисунки: А. Радакова, Н. Ре-ми, В. Лебедева.

Издательство: „Новый Сатириконъ“.
Редакторъ Петръ Пильскій.

ВЗБУНТОВАВШИЕСЯ РАБЫ.

Фельетонъ Аркадія Аверченко.

Свѣжая оригинальная мысль пришла мнѣ въ голову, когда я прочиталъ двѣ газетныхъ замѣтки, относящихся: одна — къ Петрограду, другая — къ Москвѣ.

Петроградская замѣтка:

«Въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ большевикъ Троцкій заявилъ: «Я требую, чтобы министръ Керенскій явился сюда и далъ объясненія по поводу своихъ «военныхъ» выступлений!»—«Но вѣдь Керенскаго сейчасъ нѣтъ—онъ на фронтѣ», — кротко возразили ему меньшевики. «Ахъ, нѣтъ! Ну, все равно, когда пріѣдетъ — пусть сейчасъ же явится сюда и дастъ свои объясненія!»

Московская замѣтка:

«... На митингъ пріѣхалъ и министръ Церетелли. Когда онъ заявилъ, что тоже хочетъ сказать рѣчь, ему отвѣтили: «Подождите, сейчасъ не ваша очередь. Когда дойдетъ до васъ очередь, тогда и скажете». Министру пришлось прождать болѣе часа».

Вы подумайте: посадили человѣка за столъ, а онъ положилъ ноги на столъ, смачно сплюнулъ на сторону и говорить: «А подать сюда министра Керенскаго! Вынь да положь мнѣ Керенскаго!» И что же вы думаете? Вѣдь пріѣхалъ Керенскій! Бросилъ всѣ свои огромныя государственныя дѣла и пріѣхалъ передъ грозныя очи товарища Троцкаго, которому что-то въ поведеніи министра не понравилось...

И во второмъ случаѣ: министръ почтъ и телеграфовъ Церетелли — министръ огромной Россіи, министръ, каждая минута котораго должна стоить тысячу рублей — хочетъ сказать толпѣ то, что онъ считаетъ нужнымъ, а ему поворачать: «Осади назадъ! До тебя будетъ говорить товарищъ Миронъ, потомъ товарищъ Филимонъ, потомъ товарищъ Пантелеймонъ, а потомъ уже ты, товарищъ».

И сидитъ министръ на тротуарной тумбѣ, кротко сложивъ руки и терпѣливо ожидая, пока кончатъ свои вязкія, набившія уже всѣмъ оскомину рѣчи неизвѣстные никому товарищи: Миронъ, Филимонъ и Пантелеймонъ.

Въ чемъ тутъ дѣло, господа?

Что они — мальчишки и щенки, что ли эти самые Церетелли и Керенскіе? Нѣтъ! Это цвѣтъ Россіи, ея яркія звѣзды на фонѣ общаго сѣраго ново-казарменнаго неба. Они мало популярны? Ну, у кого же повернется языкъ сказать это? Они враги революціи? Нѣтъ, они главные творцы ея и создатели.

Вѣрно?

А вмѣстѣ съ тѣмъ, въ одномъ случаѣ невѣдомый развязный господинъ кладетъ ноги на столъ и скучающе говорить: «А не вызвать ли сюда Керенскаго? Скушно, чивой-то. Пусть поразкажетъ чего, развлечетъ... Эй, мальчикъ! А звякни-ка ты Керенскому, чтобъ онъ сейчасъ же заявился, моль, Троцкій требуетъ». А за шестьсотъ верстъ отъ этой неживописной, унылой картинки можно наблюдать другую совсѣмъ уже не живописную, унылую картину: сидитъ министръ, пригорюнясь, на тумбочкѣ и ждетъ пока дойдетъ до него очередь сказать слова, нужныя всей Россіи... Ждетъ полчаса, часъ... Длительный часъ, въ который выбрасывается на воздухъ и тонетъ безслѣдно сто тысячъ унылыхъ, сѣрыхъ и скучныхъ, какъ старое расписаніе поѣздовъ, словъ...

Въ чемъ же тутъ дѣло?

Вы помните, что такое были министры стараго проклятаго Богомъ и людьми режима? Помните, какими они Юпитерами, какими Зевсами громовержцами держались. Передъ ними ходили на цыпочкахъ, передъ ними склонялись... Мнѣ возражать, ну, кто тамъ склонялся — хамы и холопы... Неправда. А Нахамкесь? Тотъ Нахамкесь, который «вѣрно-подданнически» просилъ, молилъ о перемѣнѣ фамилии и даже что-то повергалъ къ какимъ-то стопамъ... Нѣтъ, всѣ сверху донизу, отъ развитаго интеллигента до низшаго индивида склоняли передъ министрами голову, говорили пониженнымъ голосомъ и не только не требовали министра къ себѣ, а, наоборотъ, у него въ передней вѣрно-подданнически простаивали цѣлыми часами...

И опять я спрошу: въ чемъ же дѣло?

Лучше, умнѣе, благороднѣе были прежніе министры? Ни Боже мой! Дуракъ на дуракѣ, хамъ на хамѣ. Теперешніе министры передъ ними это — сверкающіе брилліанты передъ кучей гниющихъ отбросовъ. Можетъ быть, они, прежніе-то, любили Россію? Любили, такъ же какъ поросенка подъ хрѣномъ: слопать бы его поскорѣе.

Въ чемъ же дѣло?!!!!

Я вамъ скажу, только вы на меня не обижайтесь: все дѣло было въ ихъ мундирахъ, орденахъ, лентахъ и зопотомъ шитьѣ. И когда они въ такомъ чучельномъ видѣ выходили передъ толпой, всѣ почтительно склоняли передъ ними головы, и по рядамъ несся благоговѣйный шопоть: «Министръ идетъ, министръ»... И важно проходилъ этакій позолоченный идолъ съ каменнымъ лицомъ, весь расцвѣченный разноцвѣтными балаболками, ленточками, крестиками, расшитый, расписанный, разрисованный — точь-въ-точь та знаменитая писаная торба, которая, по свидѣтельству пословицы, такъ мила дурню.

Граждане! Товарищи! Братья! Сдѣлайте выводъ: разъ коллективному всероссійскому дурню нужна писаная торба (ибо неписаную онъ пренебрежительно тычетъ сапогомъ при каждомъ удобномъ случаѣ) — такъ дайте ему эту «писаную торбу»...

Министры! снимайте ваши скромныя рабочіе куртки, которыя такъ умиляли первое время — снимайте свои затрапезные пиджаки!... Свободные русскіе товарищи еще не выросли до того, чтобы уважать благородную бѣдность народа. Они недостойны этого символа братскаго единенія съ ними... Дайте имъ убогую роскошь наряда, нацѣпите на себя фунтовъ десять золота, увѣшайте «Бѣлыми Орлами» «Красными Подвязками» и «Зелеными Крокодилами», и когда вы въ такомъ попуаечьемъ видѣ прибудете на митингъ, передъ вами растянутъ красный коверъ, возведутъ подъ руки на трибуну и скажутъ: «Говорите, ваше высочорodie». И никто не хлопнетъ васъ по плечу, не попроситъ сигарку, и даже самъ товарищъ Троцкій уберетъ ноги со стола и встанетъ при вашемъ появленіи, а товарищъ Нахамкесь вѣрно-подданнически припадетъ къ стопамъ и замретъ такъ въ припадкѣ идолопоклонническаго экстаза.

Ахъ, товарищи министры, товарищи министры!... Если вы еще промедлите и не снимете вашихъ рабочихъ куртокъ, то васъ, Керенскій, будутъ называть Сашей, одобрительно хлопывать по спинѣ, а при видѣ Церетелли радостно и общительно кричать: «Хады на мой лавка!»

Итакъ,—солдаты, въ окопы, рабочіе—къ станкамъ, министры къ голубымъ лентамъ черезъ плечо, къ «подвязкамъ», «орламъ», и «крокодиламъ... всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ.

Мало этого? — вызолотите себѣ лицо, устройте такъ, чтобы флейтчики бѣжали передъ вами, скороходы, гладиаторы и тимпанщики, — за вами, чтобы васъ носили въ паланкинахъ, и тогда, можетъ быть, товарищъ Троцкій уберетъ ноги со стола, а предсѣдатель митинга предоставитъ слово раззолоченному бѣднягѣ Церетелли внѣ очереди.

Аркадій Аверченко.



Рис. Ре-ми.

За работой.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Русское, очень русское.

Оказывается, что не всегда развитие кипучей энергичной деятельности на мѣстах приводит къ осязаемо благоприятнымъ результатамъ:

Одна московская газета сообщаетъ о такомъ, на примѣръ, фактѣ:

Въ с. Васьковичи, Пропойской волости, Рогачевского уѣзда, явились три монаха и объявили, что они посланы Богомъ. Все село приняло ихъ какъ апостоловъ. Рѣшили строить храмъ и монастырское общежитіе. Начали для этого рубить лѣсъ помѣщиковъ Муромцевыхъ.

Изъ Рогачева пришли солдатскіе депутаты въ числѣ пяти чело- вѣкъ образумить васьковцевъ. Сопротивленіе было весьма оригинально: бабы, въ числѣ трехсотъ, сбросили съ себя рубахи и начали стегать ими солдатъ. Солдаты принуждены были отступить по всему фронту.

Удивляемся, что тамъ нѣтъ до сихъ поръ Ленина. Люди, которымъ можно предъявить мандатъ отъ Бога, и бабы, дерущіяся рубахами — это ли не благоприятная почва для семи- минутнаго коммунизма...

Тоже идея!

Рѣдкій примѣръ извращеніе вкуса:

На засѣданіи Сов. Раб. и Солд. Деп. тов. Анисимовъ указалъ на опасность превращенія великой россійской революціи во множество мелкихъ революцій. Примѣръ заразительнъ: на Дону нѣкоторые казаки уже образуютъ полки, чтобы „сложить свои головы за Николая Николаевича“.

Если это не опасенія, а фактъ, удивляемся тѣмъ же донскимъ казакамъ, которые собираются это сдѣлать. Только на этихъ дняхъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, казачество подняло голову и уже собирается ее складывать. Развѣ уже это такой тяжелый придатокъ организма, что его такъ тяжело держать на плечахъ?

Подрайонные хулиганчики.

Всякій даръ въ тяжелую минуту можно назвать красивымъ именемъ лепты вдовицы, но когда развязный уличный свистунъ начинаетъ вбивать въ отверстіе почтового ящика обглоданную баранью кость, помогая собственнымъ лбомъ, не будемъ это называть лептой вдовицы.

Въ однодневной газетѣ „Во имя свободы“, посвященной займу, рядомъ съ чистыми и большими именами, стоитъ такое стихотвореніе:

Странь.

Это послѣдняя вылазка —
Робости ростъ отринь:
Какъ авангарда выпускъ
Опредѣляетъ свѣтлынь.
Словоборѣніемъ пѣны
Стынуть событія въ концѣ —
Ты хоть на пячень мѣны
Вресень, о пѣснѣ подайся.
Но въ сторонѣ зарученья удѣла
Повернешь ли навѣрно раменья,
Или въ вечеръ навѣрно промѣнянь
Проигравшійся пасербъ сердца.

Григ. Петниковъ.

Если такое стихотвореніе прочесть на обыкновенномъ митингѣ и подождать, что будетъ дальше — врядъ ли кто будетъ удивляться, что такъ участились случаи самосуда толпы.

Птички изъ „Правды“.

Гораздо нѣжнѣе, мягче и идейнѣе звучитъ такое, на примѣръ, обращеніе „Правды“ къ читателямъ и подписчикамъ:

Чтобъ наша печать не страдала,
Чтобъ въ средствахъ не знала нужды,
Не ждите, чтобъ васъ умоляли
Къ подпискѣ, чтобъ встали въ ряды,
Пойдемте навстрѣчу ей сами
Свой долгъ справедливый отдать.
Начнемте, какъ птички носами,
Кто перья, кто глину таскать.
Совьемте мы гнѣздышко дружно,
Такое, чтобъ стало насъ грѣть.
Дадимте для „Правды“, что нужно,
Не будемъ мы денегъ жалѣть,

Подписчикъ № 1072.

Большевикъ, таскающій носомъ перья въ редакцію „Правды“ это та самая картина, о которой еще давно сказалъ одинъ большой поэтъ:

— Посмотри и иди на кладбище!



Рис. В. Л.

Руководство къ обращенію съ народнымъ министромъ.

Когда появляется на горизонтѣ Нахамкесь, это еще ничего. А вотъ когда является, какъ, на примѣръ, на-дняхъ въ Екатеринославѣ, цѣлый „Хамъ“ — это уже плохо:

Странный приѣмъ былъ устроенъ въ Екатеринославѣ министру Н. В. Некрасову. Публика, собравшаяся на митингъ въ Большой театр, вела себя какъ въ циркѣ. Слышны были крики „пора!“... „время!“... Наконецъ, появился министр, но не успѣлъ онъ произнести слова привѣта отъ Временнаго Правительства, какъ мѣстные большевики шумно направились съ плакатами, исписанными рѣзкими надписями, къ экстрада. Поднялся гамъ и крикъ. Оглушенный пербранкой, министр, раскрывъ ротъ вынужденъ былъ остановиться. Потребовалось, по крайней мѣрѣ, минутъ десять, чтобы публика успокоилась. Послѣ рѣчи министра выступилъ д-ръ Павловскій, который въ теченіе $\frac{3}{4}$ часа требовалъ для Украины автономіи. Министръ посматривалъ на часы, но Павловскій, ободряемый аплодисментами, продолжалъ свою рѣчь, которую закончилъ пожеланіемъ, чтобы министръ тутъ же немедленно заявилъ, что онъ признаетъ автономію Украины. Оставалось 10—15 минутъ до отъѣзда Н. В. Некрасова. Публика требовала выбрать предсѣдателя. Однако, всѣ кандидаты начали отказываться одинъ за другимъ, при этомъ предсѣдатель совѣта рабочихъ депутатовъ громкогласно мотивировалъ свой отказъ: онъ не можетъ предсѣдательствовать на томъ собраніи, гдѣ присутствуютъ не одни только пролетаріи, но и буржуи и вдобавокъ буржуазный министръ. Это былъ послѣдній привѣтъ екатеринославцевъ первому народному министру. Публика бѣшено аплодировала этимъ словамъ Орлова.

Для такой публики — вмѣсто министра нужно было бы послать простого городского стараго режима. Свистнулъ бы онъ въ свистокъ, далъ кое-кому по затылку, и всѣ бы облегченно вздохнули и пришли въ порядокъ...

Бокъ-о-бокъ.

Сообщая нижеизложенное, нѣкоторыя газеты такъ прямо и пишутъ:

„Тема для Сатирикона“.

Ну, разъ тема для насъ — воспользуемся:

Многіе изъ петроградскихъ читателей „Новаго Времени“, развернувъ послѣдній номеръ и не вѣря глазамъ своимъ, прочли на страницахъ суворинской газеты совершенно неожиданныя истины. Василій Князевъ доказывалъ здѣсь безсмысліе войны до полной побѣды.

Крестьянамъ дасть богатство громъ побѣды?

— Нѣтъ.

Солдатамъ дасть богатство громъ побѣды?

— Нѣтъ.

Какой же ожидаетъ ихъ барышъ?

— Шишь!

А. Бенуа въ фельетонѣ разсуждалъ объ искусствѣ, а выше отъ забастовочнаго комитета объявлялся порядокъ забастовки конторщиковъ 23-го мая.

Если грибоѣдовская барыня, забывшая въ болѣзни волосы чернить, въ три дня посѣдѣла, то „Новое Время“ полѣвѣло за 24 часа до принятія цѣликомъ программы „Новой Жизни!“.

Первымъ движеніемъ читавшихъ было протереть свои глаза, вторымъ — взглянуть наверхъ. Помѣтка здѣсь — „Новая Жизнь“ — разъяснила навожденіе.

Съ бѣднымъ „Новымъ Временемъ“ случился скверный анекдотъ, какого не знаетъ исторія съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ Эргелевъ перулокъ. Какъ извѣстно, газета Горькаго печатается въ типографіи Суворина. Ночью были перепутаны стереотипы, и „Новое Время“ помѣняло свою третью полосу съ газетою большевиковъ. Любезность за любезность, и, принявъ Князева, газета Суворина оплатила „Новой Жизни“ злую издѣвкой надъ Нахамнесомъ.

У революціи не всегда грозное лицо...

Иногда она расшалится и распрыгается, какъ котенокъ съ клубкомъ.

Утечка.

Неаккуратность доставки на фронтъ посылокъ начинается переноситься и на доставку туда же маршевыхъ ротъ, столь воспѣтую воинственными газетами.

Изъ резолюціи обще-фронтнаго сѣзда:

Массовое дезертирство, въ которомъ обвиняется армія, падаетъ, главнымъ образомъ, на тылъ (запасныя части). Вмѣсто ротъ пополненія на фронтъ приходили иногда лишь списки, привѣты и красныя флаги съ надписями: „Война до побѣднаго конца“.

Хороше еще, что хоть надписи такія страшныя...

КОЛОДЕЦЪ, ВЪ КОТОРЫЙ ПЛЮНУЛИ.

Рис. А. Радакова.



— Чортъ возьми, а теперь, все таки придется обратиться къ этимъ проклятымъ буржуймъ-инженерамъ, архитекторамъ, ученымъ и другимъ кровопийцамъ, чтобы они поправили нашу работу.

НЕСЧАСТНЫЕ.

Фельетонъ Арк. Бухова.

Раньше съ такой легкостью не звали даже постового городского.

— Что-съ? Сумнѣваете? Господина податного инспектора барсукомъ называваете? А вотъ я сейчасъ позову городского, онъ тебѣ покажетъ, кто изъ васъ барсукъ.

— Пойдетъ къ тебѣ, чортъ корявый, городской... Дѣлать ему больше нечего...

— А не пойдетъ, такъ и добѣжимъ до него. Онъ тебѣ насчетъ барсука расскажетъ...

И до городского добѣжали. А если городской былъ занятъ сочнымъ разговоромъ съ уличной торговкой по поводу незаконной торговли двумя гнилыми грушами около чужого крыльца, къ этому относились съ достойнымъ уваженіемъ.

— Городской, онъ человекъ казенный. Люди мы небольшие: обойдемся.

И если городской не могъ дать исчерпывающаго отвѣта по представленной ему задачѣ районнаго характера, ему охотно прощали:

— Тоже вѣдь не профессоръ. Дома, можетъ, жена, ребятки, да и жалованья-то сорокъ рублей всего, безъ горячаго. Гдѣ же человекъ все знать...

Это было въ то время, когда пріема у министра можно было добиться только или для совершения террористическаго акта, путемъ переодѣванія въ форму курьера, или съ рекомендательнымъ письмомъ отъ двухъ биржевиковъ и одного германскаго шпіона.

Теперь министры сдѣлались общедоступны. Больше того. Произошла быстрая социализация министровъ, похожая на програмную социализацию земли.

— Министръ-то онъ ничей. Какъ воздухъ. Взять его, значитъ, и раздѣлить на уравнительныхъ началахъ, а дѣлать его по митингамъ. Который, значитъ, митингъ больше, на тотъ его и требовать. А потомъ, который поменьше къ себѣ потребуешь. А къ ночи на частное пользование пустить. Которые на митингъ опоздали, тѣ, значитъ, единоглазно его требуютъ...

На какомъ изъ митинговъ, а тѣмъ паче на какомъ изъ дѣловыхъ собраній теперь не требуютъ министра для дачи показаній и личнаго присутствія?

Люди, привыкшіе уже къ концертамъ-митингамъ и замѣнившіе ими привычные спереточныя премьеры, сердятся и норовятъ устроить скандалъ:

— Нѣтъ, вы позвольте... Кресло шестого ряда четырнадцать рублей, на афишѣ — четыре министра, деньги съ меня берутъ, а подсовываютъ вмѣсто министра делегата отъ колпинцевъ... Если ты берешь четырнадцать рублей, такъ ты мнѣ подай настоящее... Попробовали бы раньше вмѣсто Собинова баритона какого-нибудь подсунуть показали бы имъ. А теперь всѣ молчатъ — боятся. Имъ скажешь, а они еще бить начнутъ: капиталистъ, моль, четырнадцать рублей платишь... Я на Чернова шель, а они колпинскаго делегата...

На подрайонномъ собраніи Старо-Фузякинскаго района тоже выражаютъ неудовольствіе:

— Это что же, товарищи... Вотъ тебѣ и свобода. Добились... Ежели ты министръ, такъ пріѣзжай, объясни по-человѣчьи, по какому ты праву такой циркуляръ пишешь... А то что же это—у харяпинцевъ былъ, взмылили тамъ ему шею, у ново-пуинцевъ былъ, а къ намъ со вчерашняго дня и носа не показываетъ. А ну-ка, сбѣгай кто-нибудь за нимъ, онъ тутъ поблизости на нашемъ собраніи допрашивается.

А министръ не городской. Онъ человекъ не казенный, а выбранный. Отказываться онъ не можетъ. И ѣдетъ. И говоритъ. И слушаетъ.

Двужильные люди, эти теперешніе министры. Открываешь газету и сразу видишь, что одинъ и тотъ же министръ успѣлъ побывать на шести сѣздахъ, четырехъ засѣданіяхъ и одиннадцати митингахъ. Работа по министерству не въ счетъ.

Даже какъ-то странно, что въ телеграммѣ изъ Ново-Ржева, набранной петитомъ, о засѣданіи мѣстнаго комитета зеленщиковъ не было ни одного министра для немедленнаго отчета по вопросамъ продовольствія.

И еще болѣе странно, что менѣе всего профессионально организованы сами министры: до сихъ поръ еще не предъ-являли требованій о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ.

Такъ и кажется, что на какомъ-нибудь изъ заводскихъ митинговъ выйдетъ на трибуну министръ, встряхнется и съ глухой завистью скажетъ:

— Хорошо вамъ, братцы-литейщики... Сумѣли таки добиться. Отработали восемь часовъ и баста... Туго нашему брату, министру неорганизованному, приходится... Можетъ, есть у васъ свободное мѣстишко?

А туго приходится, дѣйствительно.

Отъ министра требуется, чтобы онъ произнесъ рѣчь, сказалъ двѣ историческія фразы, отвѣтилъ на всѣ предложенныя какъ письменно, такъ и устно, вопросы, вызвалъ энтузіазмъ, доказалъ, что онъ не продался капиталистамъ и нѣсколько разъ доказалъ, что, такъ какъ онъ министръ земледѣлія, то къ нему не относятся выборы мѣстной районной милиціи.

Рѣчь произнести опытному министру новаго строя, конечно, не трудно. Нужно только сначала освѣдомиться о цѣляхъ митинга и къ-мъ онъ устраивается, потому что на митингъ въ Мариинскомъ театрѣ заговорить о требованіяхъ рабочихъ въ области заработной платы такъ же несвоевременно, какъ проводить на собраніи большевиковъ Нарвскаго района резолюцію о созданіи клуба и библиотеки для бездѣльныхъ фабрикантовъ въ центрѣ города.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ особенной популярности это не создастъ и взрыва энтузіазма не вызоветъ.

Что касается историческихъ фразъ, то характеръ ихъ мѣняется тоже въ прямой зависимости отъ аудиторіи.

Такая смѣлая и рѣшительная фраза, какъ: «Еще шесть лѣтъ войны, и можно будетъ подумать о великомъ мирѣ» — на митингѣ, работающихъ на оборону въ частныхъ предприятияхъ, произведетъ глубоко неприятное впечатлѣніе. Въ то же время эта самая фраза на собраніи владѣльцевъ предприятий, работающихъ на оборону, будетъ сочтена актомъ величайшей мудрости, истиннаго, гуманнаго и чистаго идеализма.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ министра, конечно, вынесутъ на рукахъ, но въ способахъ опусканія его на землю будетъ громадная разница.

Но вотъ, что касается отвѣтовъ на письменные вопросы, тутъ уже совсѣмъ не приходится говорить о легкости министерскаго труда. Сначала подавали записки исключительно мірового характера.

— Когда будетъ уничтоженъ англійскій капитализмъ?

Министръ могъ внимательно посмотрѣть на часы, подумать и безъ гарантій за точность отвѣта опредѣленно указать на двадцать второй вѣкъ.

Собраніе награждало министра несмолкаемыми аплодисментами, и всѣ оставались довольны.

Потомъ записки стали требовать отвѣтовъ менѣе общаго характера.

— А какъ раздѣлить землю въ Тамбовской губерніи, если одному придется суглинокъ, а другому черноземъ и что значитъ добровольная отдача чести?

Потомъ записки стали еще конкретнѣе и требовательнѣе:

— Пусть министръ труда отвѣтитъ, на какомъ основаніи запрещена выдѣлка постнаго сахара?

Боюсь быть пророкомъ, но въ скоромъ времени, въ числѣ семнадцати записокъ, которыя подадутъ на трибуну къ министру, будетъ одна совсѣмъ лаконическая и простая:

— Какъ отсюда пройти на Кирочную? Ѣхать на девятомъ номерѣ, или прямо пѣшкомъ по Литейному проспекту?

Что касается до запросовъ о томъ, не продался ли онъ капиталистамъ, на это отвѣчать совсѣмъ трудно, такъ какъ иностранецъ, попавшій сейчасъ въ Россію, долженъ вынести такое впечатлѣніе, что въ Россіи до сихъ поръ сохранился позорный торгъ людьми, какъ въ прежнее время въ Занзибарѣ, или Техасѣ.

Проданы рѣшительно всѣ. Стоитъ заглянуть въ сочную бульварную газету, и сейчасъ же можно убѣдиться, что Ленинъ за совсѣмъ не крупную сумму проданъ нѣмцамъ. Веселая большевистская газета охотно расскажетъ, что если кто и проданъ, такъ это Скобелевъ и не за границу, какъ хорошій кусокъ экспорта, а въ руки мѣстныхъ империалистовъ. Умѣренная печать радостно подтверждаетъ о покупкѣ крупными фирмами Цимменвальда и Кингала лѣвыхъ группъ социалистовъ, послѣдніе поговариваютъ о закупкѣ англійскими фабрикантами солиднаго запаса Миллюкова.

Такъ что если министръ будетъ очень и очень долго

бить себя въ грудь кулакомъ и увѣрять, что онъ всю свою жизнь стоялъ на стражѣ интересовъ демократіи, все равно гдѣ-нибудь въ уголкѣ будетъ стоять матерый выдержанный большевикъ, съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто у него въ карманѣ лежитъ копія съ купчей крѣпости на министра, подписанная четырьмя представителями крупной буржуазіи.

Тяжелое положеніе у теперешняго министра. И съ какой тоской и завистью, навѣрное, думаютъ они иногда о старорежимныхъ министрахъ, которымъ такъ легко было добиться отставки.

Попробуй-ка теперь — отставься...

Арк. Буховъ.

ПАРАЛЛЕЛИ.

Старый анекдотъ:

Пожилая еврейка (впервые увидѣвъ танецъ танго): — Двадцать лѣтъ жила съ мужемъ и не знала, что это называется «танго».

Новый анекдотъ:

Старый воръ (любуясь на расхищеніе анархистами особняковъ): — Двадцать лѣтъ воруя и не зналъ, что это называется анархизмомъ...

КОЛДУНЪ ВОЗСТАНИЙ

Я славлю и пою
Свободы колдовство:
Въ немъ солнце узнаю
И духа торжество...

Отвѣка я влюбленъ,
Какъ въ празднество луча —
Въ молниеносный звонъ
Побѣднаго меча...

У предразсвѣтныхъ росъ —
Мой свѣтель зарный путь,
И льются копыя прозь
Мнѣ въ радостную грудь...

Глуха моя судьба...
Но все же я поэтъ, —
Да здравствуетъ борьба
За радость и за свѣтъ!

Пимень Карповъ.



Рис. В. Лебедева.

БЫТОВАЯ ИСТИНА.

Она: — Посмотри, Жанъ: вотъ у кого трудовыя мозолистыя руки...
— Еще бы, барышня! На двадцати митингахъ въ день аплодировать приходится.



— Граждане! Теперь пришла и наша очередь... Т. е. теперь пришли мы и къ вашей очереди... Однимъ, словомъ сахарная очередь уже подала свои голоса за насъ — неужели же промолчить блокъ хлѣбной съ молочной?

НАПОЛЕОНЪ НА НЕВСКОМЪ.

„Можно ждать появленія русскаго Бонапарта...“

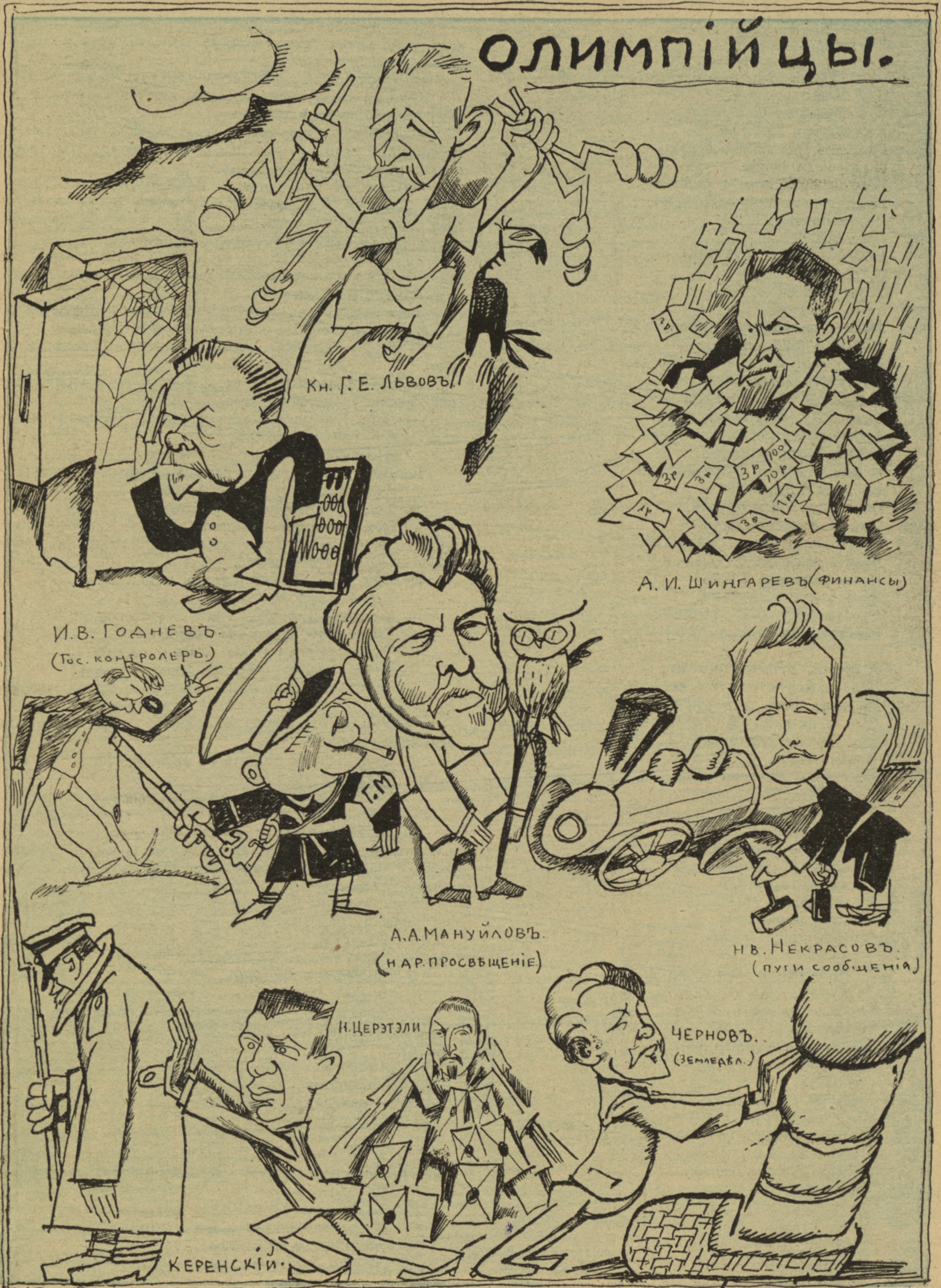
(Изъ газетныхъ страховъ.)

Вдоль стройныхъ рѣшетокъ Фонтанки,
Гдѣ трубы коптятъ небеса,
Несется, дымя, пароходикъ —
Теперь не въ чести паруса.
Не видно на немъ капитана,
Не слышно матросовъ на немъ
(Команда, должно быть, на съѣздѣ),
Но мели ему нипочемъ.
Уснулъ злонамѣренно винтикъ,
Таясь, флюгера не шумятъ,
И зорко глаза «милиейскихъ»
На странный корабликъ глядятъ.
Есть Аничковъ мостъ на Фонтанкѣ,
Гдѣ скачутъ, стыдливость дразня,
Четыре безстыдника-грека,
Четыре арабскихъ коня.
И въ часъ, какъ наивно на Невскомъ
Гуляетъ свободный народъ,
Къ гранитному берегу тихо
Нежданный корабль пристаеъ.
Очнувшись тогда, императоръ
На трапѣ является вдругъ —
На немъ пресловутая шляпа
И этотъ — извѣстный сюртукъ.
Скрестивши, какъ водится, руки,
Чтобъ былъ несомнѣненъ эффектъ,
Своимъ императорскимъ шагомъ
Идетъ онъ на Невскій проспектъ.

Несложенъ расчетъ Бонапарта:
— Коль царь неизбеженъ въ меню,
Монарха кустарной работы
Я русскимъ вполнѣ замѣню.
Нашлись бы еще монархисты—
Монархія будетъ... И вотъ,
Клиентовъ закрывшейся фирмы,
Какъ встарь, императоръ зоветъ.
Сулитъ имъ великую прибыль,
На зло подшутившей судьбѣ —
Субсидію, Невскій, охранку,
А Эртелевъ только — себѣ.
Но «бывшіе» зова не слышатъ:
Иные сидятъ подъ замкомъ,
Иные прикрылись розеткой
И съ краснымъ гуляютъ флажкомъ.
Изъ Павловъ зачислится въ Савлы
Теперь остроумнѣй стократъ...
Суворинъ — кузень Робеспьера,
А Ренниковъ — сущій Марать!
И сколько ни хвалитъ пріѣзжіи
Товаръ залежавшійся зря:
Шмыгаетъ въ ворота прохожіи,
Завидѣвъ лишь призракъ царя!
— За эти крамольныя рѣчи
Тебя бѣ въ Шлиссельбургскую, братъ, —
— Да ты, по всему, сумасшедшій, —
Рѣшаетъ патрульный солдатъ.
И вновь гастролеръ-императоръ
Главу опускаетъ на грудь,
Скорбя о дорожныхъ расходахъ,
Въ обратный пускается путь!..

Эмиль Кроткій.

ОЛИМПІЙЦЫ.



Кн. Г. Е. Львовъ.

А. И. ШИНГАРЕВЪ (ФИНАНСЫ)

И. В. ГОДНЕВЪ.
(ГОС. КОНТРОЛЕРЪ)

А. А. МАНУЙЛОВЪ.
(НАР. ПРОСВѢЩЕНІЕ)

Н. В. НЕКРАСОВЪ.
(ПУТИ СООБЩЕНІА)

И. ЦЕРЭТЭЛИ

ЧЕРНОВЪ.
(ЗЕМЛЕВЛ.)

КЕРЕНСКІЙ.

Единственный Олимпъ, у котораго отнято самое существенное право: метать громы. Зато въ него мечуть — очень охотно.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ М-МЪ КУРДЮКОВОЙ.

Подъѣзжая къ Петрограду,
J'ai parlé всему купэ:
— Я не лягу и не сяду,
Не сказавши рѣчь толпѣ! —
И у самага вокзала
Я, вскочивъ на бочку сала
И поправивъ декольтэ,
Русскимъ гражданамъ сказала
A propos de liberté.
Изложивши суть и формы
Мудрой ленинской платформы;
Но темно еще, hélas,
Население у насъ,
Некультурны до сихъ поръ мы,
И, помятая толпой,
Я отправилась домой.

Увидавъ швейцара съ ношей,
Mon mari быть огорошенъ
И воскликнулъ: «Que!, сюрпризъ,
Почему ты здѣсь, Alice?»
Я сказала: «Il ne faut pas
Удивляться: Dieu merci,
Поручила вся Европа
Мнѣ поѣхать en Russie
И заняться тамъ культурой!..»
Но меня исподтишка
Обозвавши старой душой,
Онъ нахмурился слегка
И добавилъ: «Что жъ прекрасно!
Будутъ рады nos enfants!»,
Но внушительно и ясно
Я отвѣтила: «Напрасно!
Что такое — les enfants
Въ столь критическій момент!»

A propos, должна замѣтить,
Что такихъ крѣпостниковъ
Въ наше время трудно встрѣтить,
Comme monsieur de Courdukoff;
Онъ довольствуется малымъ,
И представьте, je m'en бête,
Называетъ идеаломъ
Нашъ буржуйный кабинетъ,
Хочетъ дерзко втиснуть въ норму
Соціальный нашъ порывъ
И аграрную реформу
Проводить, повременивъ...
Услыхавъ такія рѣчи,
Я, поднявшись съ канапе
И пылая жарче печи,
Заявила, toute frappee.

— Перестаньте! Вся дрожу я,
Задыхаясь, какъ въ тюрьмѣ.
Столь презрѣннаго буржуя
На встрѣчала я jamais!
Вы съ душою вашей низкой
Отъ программы большевистской
Отступили tout à fait;
Вамъ бы съ низостью таковской
Быть лакеемъ у Брешиковской,
Иль исправникомъ въ Уфѣ.
Подчиняясь вамъ, тирану,
Я, уѣхавши въ Лозанну,
Принимала votre argent;
Но теперь: allez vous en!
Мнѣ противны ваши чеки,
Tout fini! всему конецъ!
Я, бросая вась навѣки,
Бду въ ленинскій дворецъ!..

В. Эмге.



БЕНЕФИСЪ БУКИНИСТА.

Лука Лукичъ Бородавкинъ чай пилъ долго, съ великимъ угрызеніемъ сахара и послѣ двадцать перваго стакана сказалъ своей супругѣ:

— Краснымъ тобаромъ нонѣ торговать надо.

Василиса Никитична, женщина сырая и смиренная, даже руками всплеснула:

— Тридцать лѣтъ около книгъ сидѣли, на евонномъ переплетѣ и домъ шестиэтажный выстроили, а ты теперь по красный товаръ идти хочешь!

— Одна въ тебѣ женская эмансипація сидитъ, Василиса. Кажется, и логариюмами торговала, а ума не набралась. Книги-то какія теперь требуются? Въ красныхъ оберткахъ — ну, значить, красный товаръ.

— Немного вѣдь ихъ у насъ, Лука Лукичъ, самъ знаешь. Послѣ фараонова избіенія младенцевъ сундукъ литературы только и остался.

Лука Лукичъ нацѣдилъ изъ самовара двадцать второй стаканъ и сталъ намѣчать программу дѣйствій.

— Тащи, Василиса, книги изъ лавки. Перемѣтка будетъ.

— Натъ Пинкертону у насъ, Лука Лукичъ, много. Шерлока Холмса видимо-невидимо.

— Натъ Пинкертонъ не пропадетъ. Обложку только надо новую, названіе просвѣщенное.

— «Милиціонное начало въ сыскѣ».

Василиса одобрила и достала съ полки пачку книгъ.

— «Эротическое помѣшательство».

Лука Лукичъ покрутилъ головой:

— Эхъ, пропадаетъ обложка. То-есть, сколько народу клевало на голую женщину. Касса не закрывалась, ногой съчау выдавать приходилось.

Отложилъ въ сторону книгу и задумался.

— «Проблемы пола и социализмъ».

— И скучно и честно. Цѣна — рупь сорокъ пять.

— Ты надбавь, время революціонное.

— Тогда придется подзаголовокъ поставить.

— А тебѣ жалко? Ты его кормить-поить?

— Развѣ, чай, съ подзаголовкомъ за два съ полтиной пустить.

— «Опытъ философіи сексуальнаго начала въ трансцендентальной химіи».

— Много словъ пустить на одну книжку. Ты слова береги, они нонѣ въ модѣ.

— Ничего, хватить. Василиса, дѣйствуй.

— «Сановныя шалости». Авторъ — графъ Амори.

— «Сановныя шалости» можно оставить. Ежели полтинникъ надбавить, можно въ скобкахъ добавить: «Арестъ снятъ». Только графа зачеркнуть. Пусть будетъ — гражданинъ Амори.

— «Грае-грае — воропае». Малороссійскій пѣсенникъ.

Лука Лукичъ вздохнулъ.

— Тоже картинка зря пропадетъ, на обложкѣ. Сюда надо красную съ синимъ отливомъ:

— «Автономія Украины».

— Почему пустить?

— Раньше за пятиалтынный шелъ пѣсенникъ, но теперь придется въ виду республиканскаго строя, по тридцать пустить.

Василиса не успѣвала таскать съ полокъ книгъ. Шло великое переселеніе заголовковъ.

— «Разбойникъ Чуркинъ».

Лука Лукичъ заплакалъ.

— Ужъ этого не перемѣнишь. И рука не поднимается.

— А ты, Лукичъ, оставь. Онъ мѣста не займетъ, а, можетъ быть, еще пригодится. Всякому овощу свое время.

— Инъ быть по-твоему. Вали слѣдующую.

— «Избранныя произведенія избранныхъ писателей».

— Ну и заголовокъ. Какъ камень на шею.

— А ты новыи придумай.

— Я и то думаю. Не то «Эволюція революціи», не то «Революція эволюции».

— А ты подзаголовокъ поставь.

— Съ подзаголовкомъ цѣну поднять надо, а въ книгѣ всего тридцать двѣ страницы. Ну, да ладно. Гдѣ наша не пропадала.

— «Къ созыву вселенскаго собора на основахъ всеобщаго избирательнаго права».

— Ну, слава Богу, рупь обезпечень.

— Не знаю, Лукичъ, какъ съ кулинарной книгой быть?

— Кулинарная книга не пропадетъ. «Элементы питанія въ республиканской кухнѣ» съ рецептами отъ несваренія желудка. Исправленное и дополненное изданіе. Въ изданіе вошли главы, ранѣе запрещенныя цензурой.

— Ну и умъ у тебя, Лука Лукичъ. Прямо министръ.

— Ну ужъ и министръ. При нынѣшнемъ-то положеніи въ министры идти, — наголодаешься.

— Не налюбуйся на тебя, Лука Лукачъ. Не чловѣкъ, а «эволюція спекуляціи». И съ большимъ текущимъ счетомъ.

Викторъ Сѣвскій.

Г Л А С Ъ Н А Р О Д А .

(Революціонныя частушки.)

Свищетъ-свищетъ паровикъ,
Залилася птичка...
Мой миленокъ большевикъ,
А я — меньшевичка.

Глазки черны, ручки бѣлы,
На ногахъ штиблеты...
Кто желаетъ Дарданеллы, —
Запишись въ кадеты!

Анархистъ въ сѣняхъ стащилъ
Полушалока теткинъ.
Ахъ, тому ль его училъ
Господинъ Кропоткинъ?

Не ори тутъ, не болтай,
Милай мой, безъ цѣли...
Сенька любитъ Колонтай,
А я — Церетели!

Наши парни жрутъ биштексы,
Наши дѣвки куцы...
Заревешь: «Долой аннексы!
Къ чорту контрибуцы!!»

Въ портмонэ-съ рубли, не гроши,
Все же мы горюемъ:

Охъ, боюсь купить калоши, —
Назовутъ буржуемъ!

Не ходи за мной, какъ тѣнь,
Не цѣпляйся заново...
Чтой-то въ «Правдѣ» каждый день
Лають на Плеханова.

Что скиснятся мнѣ теперь-то,
Коль въ кутузкѣ приставъ, —
Застрѣлю изъ ливорверта
Всѣхъ капиталистовъ!

Ванька больше мнѣ не милъ,
Я теперь ужъ Сенина:
Енъ вчерась меня водилъ
Слушать рѣчи Ленина.

Я пойду не подъ вѣнецъ, —
Утоплюсь въ Фонтанкѣ:
Женишокъ мой былъ подлець —
Енъ служилъ въ охранкѣ!

Ты прощай-прощай, Маруся,
Не жди поцѣлуя.
Я на митингъ запишуся
Ругануть буржуя!

Доль.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Господинъ редакторъ!

Прочтя прекрасный и глубоко прочувствованный фельетонъ Арк. Аверченко въ № 19 — о министрахъ — прилагаемъ при семъ три (3) рубля на предметъ отпечатанія распространенія этого фельетона среди министровъ и членовъ И. К. С. Р. и С. Д. примите пр.

Группа сознательныхъ читателей.

Редакторы: { А. Т. Аверченко.
Арк. Буховъ.
Издатель: Т-во „Н. Сатириконтъ“.

ВСЕМІРНОИЗВѢСТНЫЙ
КРЕМЪ **КАЗИМИ**
МЕТАМОРФОЗЪ



ЕДИНСТВЕННО ПРИЗНАННЫЙ ЖЕНЩИНАМИ ВСЕГО МІРА. БЕЗСПОРНО РАДИКАЛЬНО УДАЛЯЕТЪ ВЕСНУШКИ, УГРИ, ПЯТНА, ЗАГАРЫ, МОРИЩИНЫ, РАД. ДЫРКИ И ДР.

Отъ редакціи.

Въ виду запросовъ новыхъ подписчиковъ, контора редакціи извѣщаетъ, что подписка на „Нов. Сат.“ на 1917 г. принимается только на цѣлый годъ съ платой 11 р., со всѣми приложеніями, объявленными ранѣе. Новымъ подписчикамъ журналъ будетъ высланъ только съ 16 №

Вышелъ № 1 журнала „ЭШАФОТЪ“.

Органъ памфлетовъ.

...Дико-необузданный взрывъ, вынужденный упорствомъ, ничего не пощадить; онъ за личныя лишенія отомститъ самому безличному достоянію. Съ капиталомъ, собраннымъ ростовщиками, погибнетъ другой капиталъ, идущій отъ поколѣнія къ поколѣнію, и отъ народа къ народу.

Капиталъ, въ которомъ осѣдала личность и творчество разныхъ временъ, въ которомъ сама собой наслоилась лѣтопись людской жизни и скристаллизовалась исторія.

Разъ излившаяся сила истребленія уничтожитъ вмѣстѣ съ межевыми знаками и тѣ предѣлы силъ чловѣческихъ, до которыхъ люди достигали во всѣхъ направленіяхъ съ начала цивилизації.

А. Герценъ.

5-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

5-й годъ изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ПЯТЬ ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 10 руб. съ пересылкой и доставкой 11 руб., на полгода 5 руб. 50 на 1 мѣс. 95 коп.

ЦѢНА за объявленія — непарель 1 строка 80 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 64. Телефонъ 644-56.



РАБОЧИЕ — КЪ СТАНКАМЪ.

— Когда-то я мечталъ выпустить кровь изъ буржуя... Теперь я нашель для моего станка болѣе подходящую работу.